

Он действительно давал Юн Ци самый презренный любовный напиток в Поднебесной, к тому же ему удалось получить то, чего он хотел. Об этом старший брат, конечно же, уже знал.

Всё, что чувствовал Юн Шань, можно было описать одним словом — горечь.

Юноша, казалось, никогда не знал, как испытать настоящие чувства. Будучи сыном императора и наследником престола, единственное, что он знал, — лишь тонкий расчёт.

Вспоминая те события, что были связаны с Юн Ци, наследный принц видел очень многое... То, что хотелось стереть, скрыть, однако навечно сделать это было невозможно.

Подглядывание, заключение, насилие, подкуп, лекарство...

Чего он только не делал.

Юн Шань иногда, выпуская очередной доклад из пальцев, не сдерживался и внимательно смотрел на собственные руки.

Его длинные пальцы были сильными, кожа юной и влажной. Только у богатой знати были такие красивые пальцы, однако, глядя на них, Юн Шань считал, что они похожи на крайне острые и внушающие страх когти, которые могут быть лишь у хищного зверя.

У него от природы были эти острые когти, с помощью которых он отнимал, заполучал и боролся за понравившиеся ему вещи.

Всё, что связывалось с Юн Шанем, всегда было окрашено кровью, словно этот инстинкт — единственное, что он получил, выйдя из утробы матери. Только появившись на свет, у него не было ни чувств, ни любви, лишь острые когти, непрерывно вытягивающиеся, махавшие и царапавшие всё вокруг.

С Юн Ци, который не боролся с окружающим миром, они были совершенно чужими.

Как может старший брат полюбить его?

Юн Ци был очень осторожным и, поддавшись ложной иллюзии, проявил немного любви. Однако внезапно он узнал, что его чувства были вызваны любовным напитком. После того как Юн Линь, словно ударив палкой, рассказал всю правду, старший брат очнулся?

После потери титула наследного принца Юн Шань также не имел права опутывать Юн Ци. Ведь разве старший брат всё ещё принадлежал ему?

Двое юношей, не говоря друг другу ни слова, жили в одной комнате.

Они обрекали друг друга на мучения, проживая в одних покоях, однако отказываться от заботы они никак не желали.

Помочь приподняться на кровати, напоить лекарством, покормить, переодеть платье — они молча проживали всё вместе, следили за каждым движением, словно внимательно наблюдали за реакцией друг друга, боясь, что в одно мгновение могут быть отвергнуты.

Однако никто из них не отталкивал другого.

Когда Юн Шань, держа ложку, подносил её к губам Юн Ци, последний был послушен, как никогда.

Он открывал рот и покорно ел всё, что было в ложке, независимо от того, еда это была или лекарство.

Никто ничего не говорил, никто не мог узнать, что ждёт их в будущем. Они лишь смутно чувствовали, что всё это крайне ценно.

Потому что никто не знал, когда закончится это пропитавшее воздух молчание, полное печали, горести, сомнения, тревоги и небольшой сладости прикосновений.

В душе двое юношей чувствовали, что обмануты друг другом, однако ни у кого не хватало смелости пронзить этот тонкий лист бумаги. Они лишь желали, чтобы эти мгновения продлились чуточку дольше, хотя бы на полчаса.

Несмотря на молчание, в котором братья позволяли себе тихо плакать, словно горюя, они понимали, что в какой-то момент могут этого лишиться и, подняв голову, увидеть нечто другое перед глазами. Они протягивали руки, дотрагивались, зная, что всё это исчезнет, словно самый прекрасный сон, который они будут вспоминать, надеясь увидеть его вновь.

Однако они всё же снова попытаются продолжить.

То, что должно прийти, в любом случае придёт.

В тот день небо было необычайно ясным.

Словно наступила ранняя весна, оставляя смутные следы на талом снегу.

Хоть снег и начинал таять, холод всё ещё ощущался.

Люди, находясь между небом и землёй, лишь чувствовали крохотное золотисто-яркое солнце над головой. Под ногами лежал тем не менее мёрзлый, но уже несколькокий, притоптанный людскими сапогами снег, который совершенно преобразился, полностью утратив прозрачность и чистоту.

Юн Шань стоял и перелистывал книгу, когда в комнату вошёл Чан Дэфу и доложил:

— Ваше Высочество, придворный генерал Нэй Сувэй просит аудиенции.

Сердце Юн Шаня ёкнуло.

Нынешний придворный генерал Нэй Сувэй являлся его двоюродным дядей Чжаном Хуэйяо, и он недавно был назначен на эту должность Огненным императором Янь-ди. Мужчина нёс ответственность за охрану императорского внутреннего двора.

Мысли стремительно завертелись в голове Юн Шаня, однако сам юноша продолжал невозмутимо и сдержанно читать книгу и, даже не смотря на Чан Дэфу, вскользь проговорил:

— Зачем генерал Сувэй хочет меня видеть? Если ничего серьёзного, то вели ему уйти.

Чан Дэфу кивнул и вышел, чтобы передать его слова генералу.

Неожиданно вскоре с внешнего двора донёсся смутный шум, не прошло и мгновения, как послышался звук шагов.

Юн Шань величественно посмотрел в окно. Облачённый в дворцовую одежду Чжан Хуэйяо стремительным широким шагом уже мчался по крытой галерее, а Чан Дэфу с несчастным видом, нервничая и злясь, быстро следовал за ним:

— Генерал! Генерал, остановитесь, Его Высочество наследный принц сейчас занят...

Чжан Хуэйяо, не обращая на слугу внимания, молча ворвался в комнату.

Вновь просить аудиенции, чтобы наследный принц по каким-то причинам не принял его, не было возможности.

Он также был выходцем из родительской семьи наложницы Шу и относился ко всему с большой серьёзностью. Юн Шань по-прежнему называл его двоюродным дядей, а отношение наследного принца к нему и простым министрам, конечно же, отличалось, да и смелости в этом мужчине было больше.

Посмотрев на сильно взволнованного генерала, наследный принц понял, что все попытки Чан Дэфу остановить его не увенчались успехом.

Тихий вздох сорвался с его губ.

Юн Ци в комнате крепко и беспробудно спал. Юн Шань не хотел его беспокоить, поэтому заложил два цветка в страницы, выпустил книгу из рук и спешно поднял дверную занавеску перед прибывшим гостем, шагнул за дверь и, преградив тому путь, со смехом произнёс:

— Очень строгий вид генерала так и бросает в ледяной холод, даже кто-нибудь посторонний подумал бы, что Вы пришли схватить меня.

Чжан Хуэйяо поднял голову, посмотрел на Юн Шаня и, топнув ногой, вздохнул:

— Ваше Высочество даже в такое время ещё в настроении шутить, ай-яй!

Юн Шань, не колеблясь, продолжил разговор и мягким жестом остановил мужчину. Смеясь, юноша произнёс:

— Достаточно долгое время я не предлагал дяде сыграть в го, и всё из-за погоды, на улице постоянно шёл снег. С большим трудом небо сегодня просияло, давайте пойдём сядем в боковой гостиной, где я лично подготовлю для дяди гобан. Чан Дэфу!

— Здесь, Ваше Высочество.

— Возьми пожалованный мне отцом-императором красный хунбилочунь [1] и завари его генералу.

Говоря это, юноша дружески вытянул руку, приглашая Чжан Хуэйяо пройти в комнату.

Чжан Хуэйяо, являясь полководцем, не был таким, как многие кривящие душой государственные чиновники, все эти дни боящиеся добиться аудиенции. Мужчина был сдержан в словах. Сев в комнате и посмотрев вслед уходящему Чан Дэфу, который пошёл открывать склад, чтобы взять чай, Чжан Хуэйяо моментально поднялся с места, закрыл двери комнаты и, обернувшись, проговорил:

— Нынешний наследный принц, что случилось при дворе?

Его слова были кратки и серьёзны, словно ещё чуть-чуть, и наследник престола будет загнан в угол, однако Юн Шань уже давно предвидел подобное. Вытащив гобан и положив его на стол, юноша мастерски расставил чёрные и белые камни, затем неторопливо и собранно проговорил:

— А что случилось?

От безразличного тона Юн Шаня Чжан Хуэйяо поперхнулся и остолбенел. Генерала охватил такой гнев, что ему хотелось ударить по столу, но хоть перед ним находился юный мальчишка, однако в то же время он являлся нынешним наследным принцем. Как бы мужчина ни злился, не стоило проявлять бесцеремонность, и генерал встревоженно проговорил:

— Наследный принц действительно не понимает или же притворяется? Во дворце случилось нечто плохое. Пятый принц недавно ездил на лошади по дворцу, выдающийся и неординарный; стоило наложнице Цзинь покашлять, как она тут же получила сообщения о здоровье и гору подарков. А вот что касается нашей государыни, то тут всё наоборот, людей, справляющихся о её здоровье, с каждым днём всё меньше и меньше. В итоге, пока всё не стало ещё хуже, нужно немедленно действовать. Похоже, что положение государыни ухудшилось. Сейчас люди напуганы, души министров охвачены смятением. Что произошло с императором? Наследный принц понимает, почему он позволил другому принцу ездить на коне по дворцу? Это не... не...

Мужчина был обеспокоен, однако Юн Шань, ведя себя так, будто это его не касалось, равнодушно проговорил:

— Генерал напрасно беспокоится. Юн Шэн также является сыном отца-императора, и за хорошо выполненную работу отец-император пожаловал ему почётно ездить на коне по дворцу, это вполне справедливо. Наложница Цзинь всегда добра и любезна, она завоевала любовь множества людей, у неё появилось лёгкое недомогание, и вся знать отправилась справиться о её здоровье и подарить небольшие подарки, и это тоже ничего не значит.

— Ваше Высочество! — Чжан Хуэйяо не сдержался и слегка повысил тон, и, ставя всё на кон, проговорил: — Ваше Высочество всегда был мудр и решителен, другие говорили, что Ваш глаз способен различить всё тайное и явное. Так почему же сейчас Вы не хотите увидеть настоящее положение дел? Сначала привилегия ездить на лошади по дворцу, потом указ каждому чиновнику обращаться за советом к нему — Ваш пятый младший брат Юн Шэн одним шагом взошёл на небеса [2]! Он остался подле императора, и неизвестно, каким лекарством его опоил, сейчас только он способен в любое время видеться с государем. Даже Вы, наследник престола, чтобы поговорить с императором, должны сказать Юн Шэну, и только потом Ваши слова дойдут до ушей государя. Он способен передать всё, что захочет. Вы думаете, это не опасно?

— Дядюшка преувеличивает, — медленно проговорил Юн Шань. — Наставник Ван разве не может лично видеться с отцом-императором? Отец-император высказал свою волю предельно ясно, почтенному отцу нужно выздоравливать, а не терпеть шум каждого чиновника. Скоро отец-император поправится, и когда будет полон сил нас видеть, то, конечно же, сможет дать аудиенцию.

Чжан Хуэйяо пришёл увидеться с Юн Шанем по просьбе наложницы Шу, тая в себе большие намерения, касающиеся судьбы Поднебесной, но, вопреки ожиданиям генерала обсудить эту тему, Юн Шань совершенно холодно и пренебрежительно отнёсся к разговору. Отчего у мужчины кровь невольно прилилась к голове, и он, резко поднявшись на ноги, сверху вниз

посмотрел на сидящего напротив и готовящего гобан наследника престола:

— Хорошо, не стану ходить вокруг да около, скажу Вашему Высочеству так, чтобы стало ясно. Ваше Высочество, взгляните на намерения государя, боюсь, события прошлого года могут вновь повториться.

Юн Шань нахмурил брови, сжал руку в воздухе, останавливая Чжан Хуэйяо, и тихим тоном проговорил:

— Дядя, длинный язык до добра не доведёт. Осторожно выбирайте слова.

— Как можно быть осторожным в такое время? — И генерал, словно сорока, заговорил: — Пятый сын императора не только добился собственной цели, но и цели всех членов семьи наложницы Цзинь. Несколько дней назад некоторые младшие братья наложницы Цзинь получили повышение, став чиновниками. Среди них оказался и Дэн Ботун, который сначала являлся мелким главой охраны. Внезапно по воле императора даже он был повышен на несколько рангов, став помощником генерала ночного караула, то есть моим помощником, другие, разумеется, также стали помощниками важных придворных чиновников. По-моему, если бы не их слишком низкое служебное положение, то, боюсь, придворные секретари гурьбой представили бы оппозиционный доклад государю, и кто знает, может быть, им даже дали бы должности министров.

Юн Шань усмехнулся:

— Дядя, Вы сейчас занимаете пост генерала ночного караула. По какой причине Вы боитесь какого-то помощника?

Чжан Хуэйяо проговорил:

— О каком генерале ночных стражей идёт речь? Я только что получил высочайший указ, приказывающий мне в следующем месяце снять себя с первоначальной должности и перевестись за пределы столицы. Говорят, что очень скоро два дяди Вашего Высочества тоже покинут столицу и отправятся в чужие земли.

— Э?

— Что? Наследный принц совсем не знает об этом? — Чжан Хуэйяо испуганно произнёс: — Ранее император не присылал наследному принцу копию предварительного решения, чтобы позволить ознакомиться с назначением? Неужели сейчас даже наследник престола не имеет права читать все докладные записки и знать намерения государя?

Юн Шань покачал головой:

— Докладные записки я по-прежнему просматриваю. Придворный евнух Чан принёс копии высочайшего императорского указа, только они не имеют никакого отношения к этому.

Чжан Хуэйяо ударил по столу:

— Наверняка это утаил Юн Шэн!

Если человек нашёл путь к спасению, то его животные также вознесутся на небо. Наложница Шу, как и весь её род, беспокоилась за своего наследного принца Юн Шаня. Понимая, что Юн Шэн угрожает положению её сына, женщина, конечно же, крайне настороженно смотрела на него.

Чжан Хуэйяо в порыве отчаяния даже находил недостойным называть Юн Шэна пятым сыном императора, а звал его по имени, гневно упрекая.

А затем он понизил тон и, невзирая ни на что, сказал:

— Сейчас ситуация уже изменилась, Вашему Высочеству необходимо принять моментальное решение и начать действовать.

Юн Шань внезапно замолчал.

Уже сказанные генералом слова были подобны летящей стреле. Больше не было места нерешительности и робости. И мужчина проговорил, вынуждая:

— У Вашего Высочества светлый ум и ясный взор, и Вы должны понимать всю серьёзность положения. Государь повысил всех людей Юн Шэна, потеснив людей Вашего Высочества, тщательно разработал размещение и в один миг сделал конечный ход. Ваше Высочество, нельзя больше медлить, иначе по высочайшему указу Вас свергнут, и мы все потерпим поражение. Неужели Ваше Высочество хочет, чтобы наложницу Шу заточили в Холодный дворец, точно так же, как наложницу Ли?

К тому же он добавил:

— К счастью, у Вашего Высочества есть двое двоюродных дядюшек, которым ещё не поступал приказ сложить с себя полномочия, они возглавляют дворцовую гвардию у восточных и южных ворот. Сейчас все в тупике и готовы сразиться «спиной к реке» [3]. Если Ваше Высочество даст согласие, я сразу же от Вашего имени свяжусь с людьми. После трёх дней будут проводы зимы [4], и все во дворце будут праздновать. По ежегодным обычаям на эти дни стражей городских ворот отправляют в столицу. Мы можем воспользоваться этим удобным случаем и начать. Приведём к покорности восточных и южных стражей ворот в столице, пошлём одну часть войск захватить в городе важных чиновников и возьмём их под контроль, не позволяя им выйти, оставшиеся войска будут охранять двери императорского дворца, чтобы он был осаждён словно

непроницаемое жестяное ведро. Я сейчас всё ещё являюсь придворным генералом ночного караула, дворцовая охрана по-прежнему подчиняется моим приказам. Как только подвернётся случай, я тотчас же возьму солдат и, воспользовавшись суматохой, обезглавлю Юн Шэна и наложницу Цзинь. Затем отправлюсь во дворец государя и, предоставив доклад, попрошу составить предварительный указ, повелевая Поднебесной позволить наследному принцу вступить на престол. После, когда император отречётся и станет бывшим императором, он поселится в загородном дворце, где проживёт долгую жизнь. Таким образом, большое дело завершится успехом!

Примечания:

[1] Кит. «Красные изумрудные спирали весны» — чай, имеющий смесь вкусов пряностей, гречишного меда, корицы, вяленой груши, сладких сухофруктов и дальше следует сладкое послевкусие.

[2] Одержал мгновенный успех.

[3] Обр. в знач.: биться не на жизнь, а на смерть.

[4] Имеется в виду масленица.

<http://bllate.org/book/13372/1189604>